

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

«Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР

Майя Андреевна ЯДОВА

кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии
и социальной психологии

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: m.yadova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2988-1513

ЦИТИРОВАНИЕ: Ядова М.А. (2021). «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 231–246.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

Статья поступила в редакцию 16.07.2021.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена представлениям поколения постсоветской молодежи о распаде СССР. Делается попытка проанализировать причины благосклонного и «ностальгического» отношения к СССР со стороны тех, кто в силу возраста не имеет опыта советской жизни. Показано, что, согласно данным массовых опросов, отношение к распаду СССР зависит от возраста респондентов: старшие поколения преимущественно воспринимают распад Советского Союза негативно, в то время как среди молодежи (особенно в самой юной когорте 18–24-летних) число тех, кто не огорчен распадом СССР, превосходит число сожалеющих об этом. Динамика массового мнения о данном событии в последние годы неустойчива, значительно сказывается «крымский эффект»: в период Крымского кризиса – 2014 число сожалеющих о распаде СССР резко выросло, но спустя годы снова вернулось к прежнему уровню. Приводятся данные авторского*

исследования, посвященного проблеме восприятия постсоветских трансформаций и 1990-х годов в целом молодыми россиянами. Проведенное исследование продемонстрировало, что отношение молодежи к постсоветскому периоду развития российского общества основано по большей части на растиражированных в отечественных СМИ штампах о «лихих» девяностых. В своих оценках молодые люди нередко опираются на мнения родителей (или других старших родственников) и учителей. Отмечается мифологизированность восприятия событий декабря 1991 г. молодежью и ее внутренняя дистанцированность от последнего десятилетия XX в., плохое знание советских и постсоветских реалий жизни. Делается вывод о том, что интерес к советскому прошлому для части молодежи вызван мечтами о благополучном и справедливом обществе равных возможностей, от образа которого так далека сегодняшняя Россия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *постсоветская молодежь, распад СССР, российское общество, постсоветские трансформации.*

Введение в проблему

Слово «ностальгия» имеет греческое происхождение и в обыденном смысле означает тоску по родине или прошлому. Этот термин был введен в научный оборот в конце XVII в. швейцарским врачом И. Хофером. Так он назвал необычную болезнь швейцарских наемных солдат и студентов, которые страдали от тоски вдали от родины. Для излечения этой болезни предлагались различные средства типа пиявок, опиума или отдыха в Альпах [Boyt, 2001, p. 3]. В современном мире представления о ностальгии, разумеется, существенно расширились. Сегодня это явление принято рассматривать как феномен мировой культуры и глобальный тренд в контексте изучения коллективной памяти и постпамяти.

Под коллективной памятью обычно понимают сложившиеся в какой-либо социальной общности представления о прошлом. Американский антрополог и филолог С. Бойм считает ностальгию мостиком между коллективной памятью и индивидуальной [Boyt, 2001], с чем сложно не согласиться. Что касается постпамяти, то она представляет опыт и практики «принятия прошлого» от старших младшими поколениями, которые в силу возраста это прошлое не застали. Автор концепции постпамяти американская исследовательница М. Хирш впервые использовала этот термин при изучении «поколения постпамяти», потомков жертв Холокоста [Hirsch, 2012], впрочем, это не мешает говорить о постпамяти в более широком контексте и применительно к другим историческим сюжетам. Так,

М.М. Степанова в романе-эссе «Памяти памяти» предлагает собственную реконструкцию феномена постпамяти: для нее это и слишком сильно воспринятый детьми травмирующий опыт родителей, и проецирование прошлого на сегодняшнюю жизнь, и даже замещение прошлым настоящего [Степанова, 2017]. В нашей статье речь пойдет об особенностях «воспоминаний» о советской жизни представителей постсоветских поколений молодежи, не имеющих опыта советской жизни. Однако в данном случае субъективные оценки независимо от их фактологической точности говорят об информантах и их социальном окружении достаточно красноречиво.

Отметим, что «ностальгические» тренды – примета, характерная для постмодернистского социума. Например, британский социолог З. Бауман считает возможным говорить о ретропии – общемировой эпидемии ностальгии по прошлому, которая вызвана массой негативных социальных причин, прежде всего связанных с нестабильностью, сложностью, рискогенностью общества XXI в. и поставивших человечество перед почти неразрешимым выбором между свободой и безопасностью [Bauman, 2017]. Посткоммунистическая (постсоциалистическая) ностальгия – коллективное социальное чувство (в понимании Э. Дюркгейма [Durkheim, 1995]), связанное с идеализацией прежнего политического режима и характерное для бывших стран социалистического лагеря – вполне вписывается в эту тенденцию. О такого рода ностальгии пишут множество исследователей, выделяя среди ее видов остальгию (ностальгию по временам ГДР; иногда этим термином обозначают постсоциалистическую ностальгию в целом), югоностальгию (ностальгию по социалистической Югославии), ностальгию по СССР и пр. (см., напри-

мер: [Bartmanski, 2011; Berdahl, 1999; Boyer, 2006]).

Важно подчеркнуть, что социальная ностальгия имеет «особые отношения» не только с прошлым, но и с настоящим, являясь, по меткому замечанию отечественных социологов Г.Е. Зборовского и И.Е. Широковой, признаком «глубочайшей растерянности общества перед настоящим» [Зборовский, Широкова, 2001, с. 34]. Изучая ностальгические реакции тех или иных социальных групп относительно исторического прошлого своей страны, мы узнаем что-то новое об обществе, в котором живем сегодня (такое понимание, думается, позволяет иначе взглянуть на вынесенные в заглавие настоящей работы строки А. Вознесенского, превращая их в глубокую метафору).

Если говорить о нашей стране, то исследования коллективной памяти разных поколений россиян о Советском Союзе не теряют своей значимости и актуальности даже по прошествии трех десятилетий с момента распада СССР. Многие специалисты отмечают, что это связано в основном с тем, что окончательный переход от советской к российской идентичности в нашем обществе так и не состоялся [Ковалин, Фофанова, 2003; Левада, 2010]. Отношение к СССР до сих пор во многом определяет взгляды россиян по ключевым вопросам общественной жизни, что делает эту тему вопросом не о прошлом, а о будущем нашей страны и пути ее развития.

Представляется интересным выяснить, как оценивают СССР и все, что с ним связано, поколения молодежи, почти или совсем не имеющие опы-

та советской жизни¹. Для них распад СССР – геополитическая катастрофа, благо или что-то другое? Результаты социогуманитарных исследований на эту тему показывают, что современная молодежь неоднозначно относится к советскому периоду, ее представления о Советском Союзе зачастую носят мифологизированный, фрагментарный характер и черпаются из учебников, книг, материалов СМИ, рассказов учителей и старших родственников.

Образы советского прошлого и постсоветского настоящего в представлениях молодежи

На протяжении последних десятилетий горечь по поводу распада Советского Союза выражают примерно две трети жителей стран постсоциалистического лагеря: так, в 2006 г., по данным опроса ВЦИОМ, 68% россиян сожалели о распаде СССР, 24% – не сожалели, на Украине таковых, соответственно, было 59% и 30%, в Белоруссии – 52% и 36% [Попов, 2007]. По результатам исследования компании «Башкирова и партнеры», в 2006 г. в Киргизии сожалели о распаде Союза 78%, в Таджикистане – 62%, Казахстане – 54% опрошенных [Попов, 2007].

Спустя годы «ностальгический» тренд по Советскому Союзу в нашей стране сохраняется и, видимо, сохранится в ближайшем будущем. Так, в 2020 г., по данным общероссийского опроса Левада-центра, доля россиян, сожалевших о распаде СССР, составила 65%, тогда как только четверть (26%) признались, что распад их не огорчил

¹ В настоящей работе речь идет преимущественно о российском поколении миллениалов (тех, кто родился примерно в период между сломом социалистической системы и началом 2000-х годов и чье взросление пришлось на новое тысячелетие) и немного о самых старших когортах центениалов (поколения Z), родившихся после 2000 г. и пока демонстрирующих не столько собственные специфические особенности, сколько усиленные черты миллениалов; последних, вероятно, было бы даже удобнее называть постмиллениалами.

[Пипия, 2020, с. 13]. Любопытно, кстати, что общественное мнение на Украине после известных событий изменилось кардинально. Как следует из недавнего отчета Киевского международного института социологии, теперь число сожалеющих о распаде СССР украинцев меньше тех, кто считает иначе (34% и 50%) [Грушецкий, Паниотто, 2020].

Единственная возрастная группа россиян, преимущественно не испытывающая горечи в связи с распадом Советского Союза, – это постсоветская когорта 18–24-летних: здесь доля «сожалеющих» составила меньшую часть (33% и 49% соответственно). Во всех остальных возрастных группах чаще фиксируются сожаления о распаде СССР: например, в когорте «молодых взрослых» (25–39 лет) соотно-

шение «сожалеющих» / «не сожалеющих» составляет 49% к 37%, среди поколения старше 55 лет это соотношение уже 82% к 13% [Пипия, 2020, с. 13] (см. табл. 1). Примечательно, что большинство представителей всех поколений россиян – как советских, так и постсоветских – полагают, что распада СССР можно было бы избежать, т.е. считают Советский Союз вполне жизнеспособным государственным образованием. Также молодежь наравне со старшими поколениями (таковых примерно 2/3 и более во всех возрастных группах) называет советскую эпоху лучшим временем в истории нашей страны, высоко оценивая уровень благосостояния и качество жизни советских граждан [Пипия, 2020] (см. табл. 1).

Данные массовых опросов согласуются с результатами ряда научных со-

Таблица 1. Распределение ответов представителей разных поколений россиян на вопросы о СССР, N=1614, февраль 2020 г., %

Table 1. Distribution of responses of Russian different generations representatives to questions about the USSR, N=1614, February 2020, %

Сожалеете ли вы о распаде СССР?					
Варианты ответов	18–24 лет	25–39 лет	40–54 лет	55+ лет	Вся выборка
Да	33	49	71	82	65
Нет	49	37	23	13	26
Затрудняюсь ответить	18	14	6	5	9
Распад СССР был неизбежен или его можно было избежать?					
Был неизбежен	36	34	28	16	26
Можно было избежать	46	54	65	74	65
Затрудняюсь ответить	18	13	8	10	9
Советская эпоха была лучшим временем в истории нашей страны с высоким уровнем благосостояния и возможностями для обычных граждан?					
Определенно согласны / скорее согласны	63	71	75	82	75
Скорее не согласны / определенно не согласны	24	21	20	15	18
Затрудняюсь ответить	13	8	6	4	6

Источник: [Пипия, 2020, с. 13].

циологических, политологических и социопсихологических исследований по этой теме. Например, как свидетельствует проект В.А. Касамары и А.А. Сорокиной, большинство московских студентов демонстрируют позитивное отношение к советскому прошлому, парадоксальным образом противопоставляя СССР современной России [Касамара, Сорокина, 2014].

Так, присущие, по мнению молодежи, советскому обществу дружелюбная атмосфера, взаимопомощь, социальные гарантии, консолидирующие ценности, культурные достижения и величие сравниваются с тем, что происходит в современной России – атомизированном, враждебном, социально слабым, коррумпированном государстве, не имеющем национальной идеи, актуальной великой культуры и не умеющем защитить своих граждан (см. табл. 2).

Поражают «сказочные» представления о счастливой советской жизни некоторых информантов. «Советский Союз – страна счастливых, улыбающихся, работающих людей... И еще обязательно должен быть праздник. Все люди весело толпятся, поют какую-то задумчивую песню. Люди трудятся, но при этом никто из них не жалуется на судьбу, не говорит, как непросто им живется. Всех все устраивает», – таково мнение од-

ного из интервьюируемых, 24-летнего студента [Касамара, Сорокина, 2014, с. 112]. А вот другой отзыв, уже о современных нам реалиях: «Мне кажется, что национальной идеей этой страны является ненависть. Ненависть народа к властям предрежащим и олигархам. Нет терпимости. И абстрактные элиты отвечают на это взаимной ненавистью» [Касамара, Сорокина, 2014, с. 113].

Заметна в словах молодых респондентов и горечь по поводу потери былого величия. Причем, по мнению некоторых участников исследования, без авторитарной фигуры, подобной Сталину, Советский Союз вряд ли бы смог стать великой державой; именно таких лидеров не хватает нынешней России, считает часть опрошенных [Касамара, Сорокина, 2014, с. 115].

Обратимся также к результатам лонгитюдного исследования постсоветского поколения молодежи, осуществленного автором настоящей статьи, но прежде остановимся на описании его цели, задач и методологии. На первом этапе, в конце 2008 – начале 2009 г., было проведено социологическое исследование, посвященное проблеме соотношения «современного» и «традиционного» в ценностях постсоветской молодежи. Модернистскими считались характеристики так называемой современной личности, сфор-

Таблица 2. Основные дихотомии при сравнении СССР и современной России
Table 2. The main dichotomies when comparing the USSR and modern Russia

СССР	Современная Россия
Дружелюбная атмосфера, взаимопомощь	Недоверие друг к другу, чувство ненависти, враждебность
Идеология, объединяющая людей	Отсутствие национальной идеи
Советские культурные достижения	Прозападная массовая культура
Социальные гарантии	Социальная незащищенность
Великая держава	Слабое коррупционное государство

Источник: [Касамара, Сорокина, 2014, с. 112].

мулированные американским социологом А. Инкелесом: открытость новому опыту, социальная ответственность и активность, законопослушность, толерантность, самостоятельность и пр.; под традиционалистскими понимались противоположные современным качества [Inkeles, Smith, 1974]. Мы предположили, что слаборесурсная часть молодежи, скорее всего, аккумулирует традиционалистские взгляды, сильно-ресурсная – модернистские.

Эмпирическим объектом исследования стали представители контрастных групп молодежи (15–18 лет, т.е. речь идет о когорте рожденных уже в «новой России»), обладающие разными социальными ресурсами, прежде всего, образовательными и социостатусными. При формировании выборки мы исходили из предположения, что важнейшим фактором, влияющим на меру и глубину «модерности» человека, является уровень его образования, с чем связан характер профессии и, следовательно, социальный статус. Всего на основании специально разработанной методики было опрошено 1600 учащихся 10–11-х классов общеобразовательных школ и колледжей г. Москвы (по 800 человек в каждой подвыборке; первые условно были отнесены к сильноресурсной страте, вторые – к слаборесурсной). Результаты опроса позволили выделить из общего числа респондентов «модернистов» и «традиционалистов». Среди старшеклассников соотношение «модернистов» и «традиционалистов» составило 23% и 7%, в подвыборке студентов колледжей, наоборот, «модернистов» совсем немного – 5%, а «традиционалистов» уже 15% (различия статистически значимы на уровне $\leq 0,001$). Большинство же респондентов в обеих группах выбирает смешанный тип поведенческих намерений. Таким образом, гипотеза о существовании связи между модернизмом

индивида и его «ресурсоемкостью» получила подтверждение.

На следующем этапе, в 2010–2011 гг., с некоторыми «модернистами» и «традиционалистами» проводились индивидуальные полужформализованные глубинные интервью биографического характера ($N = 24 + 24$; группы были выравнены по объему социального капитала и полу респондентов; возраст опрошенных – 17–19 лет). Гайд интервью составляли вопросы, посвященные детским и школьным годам респондентов, их взаимоотношениям с родными и друзьями, восприятию ими тех или иных политических событий, происходивших в нашей стране, и т.д.

Наконец, на третьем этапе, в феврале – апреле 2014 г., были проведены дополнительные полужформализованные биографические интервью, в основном нацеленные на выяснение изменений, произошедших в жизни информантов за прошедшие годы. В последней «волне» участие приняли 22 «модерниста» и 21 «традиционалист». На тот момент возраст опрошенных уже составил от 20 до 23 лет. Участников исследования спрашивали о наиболее важных событиях, случившихся с ними за последние годы, их дальнейших жизненных планах, а также оценках текущей политической обстановки в России и событий, связанных с Крымским кризисом – 2014.

Как уже говорилось выше, на одном из этапов исследования (в 2010–2011 гг.) была проведена серия индивидуальных полужформализованных глубинных интервью с юношами и девушками (на тот момент им было 17–19 лет, часть из них поступила в вузы), выбравшими модернистскую или традиционалистскую жизненную стратегию. Нам хотелось выявить детерминанты, повлиявшие на выбор молодыми людьми той или иной системы ценностей. В числе прочего информантов спрашивали о политических событиях не-

давнего прошлого или современника-ми которых они оказались в детские и юношеские годы (подробнее см.: [Ядова, 2012]).

Как выяснилось, участники исследования довольно сильно дистанцированы от последнего десятилетия XX в.: одни с трудом описывали ключевые политические события того времени, другие вовсе не знали предмет беседы. Для большей части постсоветской молодежи распад СССР, октябрьский путч 1993 г., чеченская война, дефолт 1998 г. воспринимаются как «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Связного и логичного рассказа об этих событиях не удалось услышать почти ни от одного информанта. Нередко молодые люди путались в бытовых явлениях совсем недавнего прошлого: кто-то называл рэкетиров фраерами или впервые услышал об октябрятах (например, одна девушка была уверена, что так в детском саду именуют детей, родившихся в октябре), другие ничего не знали о паспортной системе СССР и что значит быть лимитчиком. Вместе с тем большинство участников исследования достаточно позитивно отзывались о советском прошлом и негативно – о реалиях 1990-х годов, считая их следствием «развала СССР». Впрочем, большинство респондентов подчеркивали, что их оценки основаны на рассказах старших родственников: родителей, дедушек и бабушек и т.п. Если те рассказывали о счастливой советской жизни, которая впоследствии «рухнула», эти взгляды транслировались молодежи в интервью.

Родители поженились в начале 1980-х, тогда еще был крепкий Советский Союз и жить было хорошо.

Студентка вуза, 18 лет (М)²

[После распада СССР] в стране был бардак, и родители часто рассказывают, что в тот момент, когда у некоторых не было еды, кто-то барыжил на чужом горе.

Студент вуза, 18 лет (М)

Негативные оценки постсоветского периода развития России со стороны молодежи в основном обусловлены экономическими причинами. Что касается демократических завоеваний, то к ним отношение участников исследования довольно сложное: даже «модернисты», следуя логике элитизма, убеждены, что большинство россиян не умеют пользоваться дарованными им свободами, а значит, их не заслуживают.

Но умеют ли люди пользоваться этой свободой? Мне кажется, что тогда не умели, да и сейчас не очень хорошо получается.

Студент вуза, 17 лет (М)

Свобода у нас переходит в разгул. И зачем она тогда нужна?

Студентка колледжа, 18 лет (Т)

Лишь единицы оценили «девяностые» положительно (по 3 человека в группах «модернистов» и «традиционалистов»), прежде всего из-за демократических достижений и низких цен.

Они тяжелые были для нашей страны, но они были нужны. Без них не было бы того, что сейчас. При СССР люди не могли отдохнуть за границей, не могли создать свой бизнес... не могли себе купить квартиру или дачу...

Студентка колледжа, 17 лет (М)

Тогда вообще нам с мамой хватало 100 рублей, чтобы купить целый па-

2 Здесь и далее буквами М и Т, соответственно, обозначены «модернисты» и «традиционалисты».

кет продуктов, когда мы с ней ходили в магазин.

Студентка вуза, 18 лет (Т)

В то же время молодые «модернисты» и «традиционалисты» достаточно позитивно оценивают 2000-е годы и совершенно не мечтают о «советской сказке», как студенты в исследовании В.А. Касамары и А.А. Сорокиной. Стоит отметить, что если 1990-е годы юноши и девушки воспринимают сквозь призму чужих рассказов, то 2000-е годы – это время их взросления и собственных впечатлений. Большинство информантов убеждены, что эти годы подарили россиянам спокойную, стабильную жизнь, материальное благополучие, возможность выезжать за границу, пользоваться гаджетами и др. техническими новинками. Впрочем, были и те, кто выражал недовольство современными российскими реалиями: прежде всего, молодежи не нравится растущий уровень агрессии, насилия, безнравственности и равнодушия в обществе, а также чиновничий произвол. Примечательно, что для участников интервью, вопреки расхожему мнению, современный российский социум в большей степени, чем СССР, – общество насилия.

Мне не нравится, что сейчас люди стали более злые, молодежь злая, как бы каждый живет для себя только.

Студентка колледжа, 17 лет (М)

Кстати, многие «модернисты» и «традиционалисты» в период Крымского кризиса в 2014 г. расценили новость о включении Крыма в состав РФ как попытку вернуть нашей стране утраченное величие, что говорит о неизжитом имперском комплексе и у постсоветских поколений россиян [Ядова, 2016, с. 56].

Нельзя проморгать такой шанс: Россия играет сейчас по-крупному. Мне

нравится, что мы стали сильными, как во времена СССР.

Студент вуза, 21 год (Т)

Загадочное постсоветское поколение: без советского бэкграунда, но с советскими взглядами

Как свидетельствуют массовые опросы, ностальгия по былому величю страны, ее военной и социально-экономической силе на протяжении многих лет остается одной из ключевых причин, вызывающих у россиян чувство сожаления о советском времени: причем эти настроения присущи как советским, так и постсоветским поколениям [Попов, 2007]. Опираясь на данные массовых опросов, проводимых Левада-центром, социолог Н. Зоркая замечает, что по мере взросления российская молодежь вписывается в структуру массовых базовых ценностных представлений, присущих советским поколениям [Зоркая, 2007, с. 35]. Ощущение утраты принадлежности к великой державе переживали в 1999 г. 29% наших юных соотечественников, в 2006 г. – уже 55%, в то время как, согласно опросу 2005 г., 78% молодых россиян считали распад Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX в. [Зоркая, 2007, с. 43].

О том, что даже постсоветские поколения россиян по своим мировоззренческим особенностям не слишком отличаются от советских генераций, социальные исследователи говорят давно. Так, одной из наиболее значимых и известных инициатив перестроечного ВЦИОМ (после 2003 г. – Левада-центра) стал многолетний проект *Номо Soveticus*, который осуществлялся с 1989 по 2008 г. Вдохновитель и руководитель данного исследования Ю.А. Левада объяснял свое нежелание менять

устаревшее название тем, что современные россияне, несмотря на перемены, произошедшие в обществе, по сути остались теми же, кем были. Если говорить о выделенной отечественными социологами модели «советского простого человека», то она не сильно изменилась под воздействием посткоммунистических трансформаций («общество приоткрылось, да люди закрыты» [Левада, 2010, с. 14]). По словам Ю.А. Левады, юноши и девушки «эпохи нулевых» вслед за старшими поколениями россиян «любят власть и великодержавную патриотику» [Левада, 2010, с. 14], демонстрируют черты репрессивного сознания и не очень высоко ценят гражданские свободы. Недавнее масштабное исследование В.В. Радаева, посвященное поколению миллениалов, выявило схожие тенденции [Радаев, 2019]. Рассуждая о кардинальных отличиях миллениалов от советских поколений, В.В. Радаев намеренно не стал рассматривать политическую сферу, поскольку политические взгляды миллениалов и *homo soveticus* не столь различны.

Закономерно возникает вопрос, что значит быть великой державой, по мнению молодежи? В связи с этим кажутся любопытными результаты исследования, проведенного в 2019 г. в Пермском крае [Шилов, 2020]. Представителям двух, казалось бы, контрастных по своему жизненному опыту поколений – молодежи 14–30 лет и пенсионерам Пермского края – предложили подумать над содержательным наполнением концепта «великая держава». Обратим внимание на тот факт, что данное исследование охватывает провинциальную, а не столичную молодежь (последнюю специалисты обычно относят к наиболее прозападной части нашего общества).

Итак, пермская молодежь полагает, что великая держава должна прежде всего, обеспечивать высокий уро-

вень благосостояния граждан (54,8%), соблюдать нормы демократии и права человека, принятые в цивилизованном мире (36,3%), иметь развитую экономику (30,3%), развивать науку и внедрять высокие технологии (20,4%) [Шилов, 2020, с. 183]. Структура ответов пожилых респондентов немного иная, так как в числе ключевых элементов великой державы они видят не новые технологии и демократические свободы, а военную мощь и особый национальный дух: высокий уровень благосостояния народа (35,8%), развитая экономика (24,1%), мощные Вооруженные силы, высокий уровень русской культуры и национального духа (обе позиции – 8,7%) [Шилов, 2020, с. 183]. Впрочем, в некоторых вопросах старшее и младшее поколения оказались единодушны. Например, они считают распад СССР и сталинские репрессии наиболее вызывающими стыд событиями отечественной истории [Шилов, 2020, с. 186].

Однако романтизация советского общества не усиливает стремление реставрировать советский режим. Доля респондентов, считающих, что сегодняшняя Россия должна вернуться на путь, которым двигался СССР, выросла с 18% в 2000 г. до 28% в 2019 г., но никогда не набирала поддержки даже трети населения в сравнении с другими возможными вариантами развития страны (европейский или особый путь). Согласно результатам общероссийского опроса Левада-центра, проведенного в 2019 г., 58% россиян выбирают особый путь развития страны, соответственно, 28% и 10% поддерживают советский и европейский тренды развития [Пиния, 2020, с. 17]. Молодежь чаще старших поколений выбирает идеологему европейского пути развития (таковых 21% в когорте 18–24-летних, 15% – среди тех, кому 25–39 лет), однако симпатии ее отданы варианту особого пути (52%), за возвращение в СССР высту-

пают лишь 18% опрошенных [Пипия, 2020, с. 18]. Любопытен «крымский эффект»: начиная с 2014 г. россияне стали чаще выбирать в качестве оптимальной модели развития страны советскую модель и реже европейскую, хотя для молодежи этот эффект характерен в меньшей степени [Пипия, 2020, с. 17].

Вышеизложенное позволяет предположить, что, несмотря на некоторые различия во взглядах советских и несоветских поколений на советское прошлое и сегодняшнее настоящее нашей страны, межпоколенческий ценностный конфликт по этому поводу маловероятен. Некоторые отечественные исследователи, фиксируя данный факт, делают пессимистические выводы о том, что демократические преобразования в России силами постсоветской молодежи вряд ли возможны. На наш взгляд, такие выводы не совсем оправданны. Например, согласно результатам исследований, осуществленных в 2011–2015 гг. под руководством психолога Е.Б. Шестопал, демократические ценности прочно утвердились в российском социуме, они интериоризованы большинством жителей страны (и в первую очередь – молодежью), являясь частью ее политической и духовной культуры, а не просто примитивным заимствованием западных образцов [Шестопал, 2016]. Кроме того, анализ основных линеек современных учебников по истории России, рекомендованных Министерством просвещения РФ к использованию в учебном процессе, выявил единый тренд в освещении темы распада СССР. Авторы учебников независимо от своего отношения к отдельным позитивным сторонам советской жизни убеждены в невозможности кардинального реформирования нашей страны в рамках существовавшей в СССР общественно-политической системы; также положительные оценки даются эпохе перестройки, а за-

слугу М.С. Горбачёва авторы учебников видят в его решительности и способности пойти на масштабные преобразования страны [Корочаров, 2021].

Кроме того, одной из возможных причин романтизации образа СССР в молодежной среде можно считать недовольство тем, что происходит в сегодняшней России. Скорее всего, в случае сглаживания существующих в стране социально-экономических и политических противоречий (включая противостояние со странами Запада) ностальгическая устремленность в советское прошлое постепенно сойдет на нет, причем во всех возрастных группах. Отечественные социологи М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги убедительно показывают, что доверие российской молодежи институтам власти сильно зависит от общей социально-политической и экономической обстановки в стране: в стабильные времена уровень доверия высок, тогда как в кризисные периоды он снижается. Но особенно велико доверие современной молодежи нынешнему Президенту РФ: если в 1995 г. только 6% молодых россиян доверяли действующему президенту, то в 2009–2019 гг. доля таковых колеблется между 71% и 56% [Горшков, Шереги, 2020, с. 230]. Будет ли этот тренд продолжен в последующие годы, покажет время. Вместе с тем результаты социологических исследований последних лет свидетельствуют, что, начиная с лета 2019 г., избыточное силовое давление на протестующих против недопуска оппозиционных кандидатов к выборам в Мосгордуму привело к усилению политизации настроений части россиян, прежде всего, молодежи [Глухова и др., 2020]. Социолог Е.Л. Омельченко полагает, что, участвуя в мирных коллективных практиках протеста, российская молодежь учится отстаивать свои права и действовать сплоченно, для многих наших молодых соотечественников этот опыт

может стать решающим в биографии³. Вместе с накопившимся в современном российском обществе запросом на перемены это дает возможность рассматривать постсоветскую молодежь как ключевого актора будущих социальных трансформаций в России, способного двигаться вперед, не оглядываясь на прошлое.

Пожалуй, стоит отметить, что интерес к недавнему прошлому со стороны миллениалов (в том числе постсоветских) также можно объяснить спецификой их взросления. Некоторые исследователи говорят о миллениалах как о «поколении ностальгии»⁴, видя причину ностальгических ориентаций представителей этого поколения в том, что их детство пришлось на период интенсивного развития цифровых технологий и глобальных изменений повседневной жизни. Это подтолкнуло миллениалов к более бережному отношению к прошлому, заставив «почувствовать себя намного старше, чем они есть, и захотеть быть намного моложе, чем они себя ощущают»⁵. Политические трансформации, охватившие страны постсоциалистического лагеря три десятка лет назад, по-видимому, придают этим ощущениям еще большую остроту.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что постсоветское поколение молодежи отличается достаточно мифологизированный и романтизированный взгляд на

советское прошлое: знания молодых россиян об этом историческом периоде фрагментарны и базируются в основном на рассказах родителей, учителей и тиражируемых в СМИ штампах. Имеющиеся различия во взглядах старших и младших поколений россиян на жизнь в СССР и современной России вряд ли могут спровоцировать межпоколенческий конфликт. Практически во всех поколениях россиян преобладают позитивные оценки советского периода, сожаление по поводу распада Советского Союза (отсюда негативное отношение к 1990-м годам как к непосредственному советскому «послесловию») и убежденность в том, что СССР было бы возможно сохранить. Небольшое исключение составляет самая юная когорта наших соотечественников (до 25 лет): в этой возрастной группе число сожалеющих о распаде СССР меньше тех, кого это не огорчает, а доля сторонников советского варианта развития нашей страны минимальна. Вызывает беспокойство, что существенная часть молодежи, критично оценивая жизнь в современной России, противопоставляет сильный и благополучный Советский Союз сегодняшнему слабому, расколотому и коррумпированному российскому обществу. Интерес к советскому прошлому для этой части молодежи, вероятно, вызван мечтами о справедливом обществе равных возможностей, от образа которого далека сегодняшняя Россия. Этот феномен еще предстоит осмыслить, но очевидно, что он свидетельствует о запросе

3 Омельченко Е.Л. (2019). Протест миллениалов, но не только // Полит.ру. 2 августа 2019 // <https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/>, дата обращения 15.05.2021.

Примечательно, что некоторые отечественные исследователи считают целесообразным называть российских постмиллениалов «поколением Путина» или «поколением Навального» [Лопов, 2019, с. 130]. Если рассматривать эти метафоры буквально, то можно предположить в будущем наличие внутри одного поколения молодых россиян тех, кто представляет диаметрально противоположные политические взгляды. Вызовет ли это внутрипоколенческий конфликт и как отразится на состоянии нашего общества, пока предугадать сложно.

4 Martz P. (2018). The Nostalgia Generation // The Observer, March 23, 2018 // <https://observer.case.edu/martz-the-nostalgia-generation/>, дата обращения 20.05.2021.

5 Ibid.

се российской молодежи на перемены в социуме, в котором она живет. Если учесть выводы американского политолога и социолога Р. Инглхарта о том, что в трансформирующихся обществах взгляды новых поколений начинают доминировать спустя десятилетия [Inglehart, 1990], внимание к оценкам, симпатиям и антипатиям сегодняшней молодежи становится важным не только в исследовательских целях.

Список литературы

- Глухова А.В., Сиденко О.А., Соснов Д.В., Щеглова Д.В. (2020). В поисках желаемого будущего – российская внутриполитическая повестка дня // Социологические исследования. № 2. С. 43–52. DOI: 10.31857/S013216250008493-5
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2020). Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН.
- Грушецкий А., Паниотто В. (2020). Оценка советского прошлого: май 2020 года // КМИС. 26 июня 2020 // <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=950&page=1>, дата обращения 20.05.2021.
- Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. (2001). Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. № 8. С. 31–34 // <https://ecsocman.hse.ru/data/734/894/1217/005Z-borovskij.pdf>, дата обращения 20.05.2021.
- Зоркая Н. (2007). «Ностальгия по прошлому», или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь? // Вестник общественного мнения. № 3. С. 35–46 // <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgia-po-proshlomu-ili-kakie-uroki-mogla-usvoit-i-usvoila-molodezh/viewer>, дата обращения 20.05.2021.
- Касамара В.А., Сорокина А.А. (2014). Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. № 1. С. 107–118 // [https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118\(Kasamara\).pdf](https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118(Kasamara).pdf), дата обращения 20.05.2021.
- Ковадин М.А., Фофанова К.В. (2003). Советский Союз как часть коллективной памяти молодежи: социологический анализ // Российский хороший журнал. № 1. С. 63–73 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-soyuz-kak-chast-kollektivnoy-pamyati-molodezhi-sotsiologicheskii-analiz/viewer>, дата обращения 20.05.2021.
- Корочаров А.В. (2021). Распад СССР в современных школьных учебниках // Свободная мысль. № 1. С. 25–42 // https://elibrary.ru/download/elibrary_45590693_33436257.pdf, дата обращения 20.05.2021.
- Левада Ю.А. (2010). Интервью Саше Канноне // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. М.: Издатель Карпов Е.В. С. 13–21.
- Пипия К. (2020). Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. М.: Левада-центр.
- Попов Н.П. (2007). Ностальгия по величию: Россия в постсоветском пространстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 44–53 // https://elibrary.ru/download/elibrary_16224847_17227303.pdf, дата обращения 20.05.2021.
- Попов Н.П. (2019). Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 126–152. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.06
- Радаев В.В. (2019). Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ВШЭ.
- Степанова М.М. (2017). Памяти памяти: Романс. М.: Новое издательство.
- Шестопал Е.Б. (2016). Элиты и общество как политические акторы постсо-

ветской России // Социологические исследования. № 5. С. 35–43 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26125601_82105691.pdf, дата обращения 20.05.2021.

Шилов В.В. (2020). Историко-социологический аспект понятия «великая держава» // Власть. № 3. С. 181–189 // https://elibrary.ru/download/elibrary_43117430_93634469.pdf, дата обращения 20.05.2021.

Ядова М.А. (2012). Деяностые и нулевые в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения // Политическая наука. № 2. С. 177–195 // https://elibrary.ru/download/elibrary_17787605_78182198.pdf, дата обращения 20.05.2021.

Ядова М.А. (2016). Крымский кризис – 2014 глазами молодежи постсоветского поколения // Социологические исследования. № 9. С. 50–58 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26687692_26064431.pdf, дата обращения 20.05.2021.

Bartmanski D. (2011). Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia // *Acta Sociologica*, vol. 54, no 3, pp. 213–231. DOI: 10.1177/0001699311412625

Bauman Z. (2017). *Retrotopia*, Cambridge: Polity Press.

Berdahl D. (1999). '(N)Ostalgia' for the Present: Memory, Longing, and East German Things // *Ethno*, vol. 64, no 2, pp. 192–211. DOI: 10.1080/00141844.1999.9981598

Boyer D. (2006). Ostalgie and the Politics of the Future in Eastern Germany // *Public Culture*, vol. 18, no 2, pp. 361–381 // <https://profiles.rice.edu/sites/g/files/bxs3341/files/inline-files/Ostalgie.pdf>, дата обращения 20.05.2021.

Boym S. (2001). *The Future of Nostalgia*, New York: Basic Books.

Durkheim E. (1995). *The Elementary Forms of Religious Life*, New York: Free Press.

Hirsch M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*, New York: Columbia University Press.

Inglehart R. (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Inkeles A., Smith D.H. (1974). *Becoming Modern*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

“Nostalgia Not for the Past but Nostalgia for the Present”: Post-Soviet Youth on USSR’s Collapse

Maiya A. YADOVA

PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology and Social Psychology
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation
E-mail: m.yadova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2988-1513

CITATION: Yadova M.A. (2021). “Nostalgia Not for the Past but Nostalgia for the Present”: Post-Soviet Youth on USSR’s Collapse. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 231–246 (in Russian).
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

Received: 16.07.2021.

ABSTRACT. *The article focuses on the perceptions of the generation of post-Soviet youth about the collapse of the USSR. An attempt to analyse the reasons for the favourable and “nostalgic” attitude to the USSR on the part of those who, due to their age, have no experience of Soviet life is made. It is shown that, according to mass surveys, attitudes towards the collapse of the USSR depend on the age of respondents: older generations predominantly perceive the collapse of the Soviet Union negatively, while among young people (especially in the youngest cohort of 18-24-year-olds) the number of those who are not upset about the collapse of the USSR exceeds the number who regret it. The dynamics of public opinion on this event have been erratic in recent years, strongly influenced by the “Crimean effect”: during the Crimean crisis – 2014, the number of those regretting the collapse of the USSR rose sharply, but, years later, it has returned to its previous level. The data of the author’s study devoted to the problem of perception of*

post-Soviet transformations and the 90s in general by young Russians are given. The study conducted has shown that young people’s attitudes towards the post-Soviet period in Russian society are mainly based on clichés about the “wild” nineties that have been replicated in the Russian media. In their assessments, young people often rely on the views of parents (or other older relatives) and teachers. The mythology of young people’s perception of the events of December 1991 and their internal distance from the last decade of the XX century, as well as their poor knowledge of Soviet and post-Soviet realities of life are noted. The conclusion is drawn that some young people’s interest in the Soviet past stems from dreams of a prosperous and just society of equal opportunities, from which today’s Russia is so far removed.

KEYWORDS: *post-Soviet youth, USSR’s collapse, Russian society, post-Soviet transformations.*

References

- Bartmanski D. (2011). Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia. *Acta Sociologica*, vol. 54, no 3, pp. 213–231. DOI: 10.1177/0001699311412625
- Bauman Z. (2017). *Retrotopia*, Cambridge: Polity Press.
- Berdahl D. (1999). "(N)Ostalgia" for the Present: Memory, Longing, and East German Things. *Ethno*, vol. 64, no 2, pp. 192–211. DOI: 10.1080/00141844.1999.9981598
- Boyer D. (2006). Ostalgic and the Politics of the Future in Eastern Germany. *Public Culture*, vol. 18, no 2, pp. 361–381. Available at: <https://profiles.rice.edu/sites/g/files/bxs3341/files/inline-files/Ostalgie.pdf>, accessed 20.05.2021.
- Boym S. (2001). *The Future of Nostalgia*, New York: Basic Books.
- Durkheim E. (1995). *The Elementary Forms of Religious Life*, New York: Free Press.
- Glukhova A.V., Sidenko O.A., Sosunov D.V., Shcheglova D.V. (2020). Searching for the Desirable Future: Internal Political Agenda for Russia. *Sotsiologicheskoe issledovaniya*, no 2, pp. 43–52 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250008493-5
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020). *The Youth of Russia in the Mirror of Sociology: On the Results of Years of Research*, Moscow: Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Grushechij A., Paniotto V. (2020). The Assessment of the Soviet Past: May 2020. *KIIS*, June 26, 2020. Available at: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=950&page=1>, accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Hirsch M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*, New York: Columbia University Press.
- Inglehart R. (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Inkeles A., Smith D.H. (1974). *Becoming Modern*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2014). The Image of the USSR and Modern Russia in the Representations of Students. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 107–118. Available at: [https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118\(Kasamara\).pdf](https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118(Kasamara).pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Korocharov A.V. (2021). Disintegration of the USSR in Modern School Textbooks. *Free Thought*, no 1, pp. 25–42. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_45590693_33436257.pdf, accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Kovadin M.A., Fofanova K.V. (2003). The Soviet Union as Part of the Collective Memory of Youth: A Sociological Analysis. *Russian Good Magazine*, no 1, pp. 63–73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-soyuz-kak-chast-kollektivnoy-pamyati-molodezhi-sotsiologicheskij-analiz/viewer>, accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Levada Yu.A. (2010). Interview by Sasha Kannone. *Memoirs and Discussions of Yu.A. Levada*, Moscow: Karpov E.V., pp. 13–21 (in Russian).
- Pipiya K. (2020). *Memory Structure and Reconstruction of the Soviet Union in Russian Public Opinion*, Moscow: Levada-center (in Russian).
- Popov N.P. (2007). Nostalgia for the Greatness. Russia in the Post-Soviet Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 44–53. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16224847_17227303.pdf, accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Popov N.P. (2019). Comparative Analysis of Social and Political Views of Russian and American Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 126–152 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.06

Radaev V.V. (2019). *Millennials: How the Russian Society Changes*, Moscow: HSE (in Russian).

Shestopal E.B. (2016). Elites and Society as Political Actors in Post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 35–43. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26125601_82105691.pdf, accessed 20.05.2021 (in Russian).

Shilov V.V. (2020). Historical and Sociological Aspect of the Concept of Great Power. *Vlast'*, no 3, pp. 181–189. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_43117430_93634469.pdf, accessed 20.05.2021 (in Russian).

Stepanova M.M. (2017). *In Memory of Memory: Romance*, Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Yadova M.A. (2012). Perception of 1990-s and 2000-s years by the “Modernists” and “Traditionalists” of Post-Soviet Generation. *Political Science*, no 2, pp. 177–195. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_17787605_78182198.pdf, accessed 20.05.2021 (in Russian).

Yadova M.A. (2016). Crimean Crisis – 2014 as Seen by the Post-Soviet Youth Generation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 50–58. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26687692_26064431.pdf, accessed 20.05.2021 (in Russian).

Zborovskij G.E., Shirokova E.A. (2001). Social Nostalgia: To Study the Phenomenon. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 31–34. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/734/894/1217/005Zborovskij.pdf>, accessed 20.05.2021 (in Russian).

Zorkaya N. (2007). “Nostalgia for the Past” or What Lessons Could Learn and Have Learnt the Young? *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 3, pp. 35–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgia-po-proshlomu-ili-kakie-uroki-mogla-usvoit-i-usvoila-molodezh/viewer>, accessed 20.05.2021 (in Russian).